

Броненосцы с конвоем ушли сквозь дожди на восток,
В каждой башне сверх нормы десяток фугасных снарядов.
В трюмах транспортов тесно пехоте, махорки дымок.
На Хоккайдо идем! Есть приказ. Потому что так надо!

Слова из песни

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня.
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.

Н. Гумилев

Глава I

Не желая афишировать факт своего возвращения, Рождественский распорядился, чтобы все телеграфные предписания его штаба, отправленные в течение дня 6 августа из залива Стрелок, исполнялись тихо, без лишней огласки. В крепости этому распоряжению следовали неукоснительно.

Передвижения войск и прочие приготовления производились под видом учений либо отправки на строительство новых укреплений. Сорвавшиеся от своей пристани и рванувшие к Аскольду дежурные миноноски проделывали такие фортели много раз и до этого. Учения или заметили кого, кто знает. Состоявшийся после полудня выход трального каравана также ничем не отличался от обычного контрольного траления и поводом для слухов быть никак не мог. Все это стало уже примелькавшейся рутинной и ничье внимание не привлекало.

Но начавшееся шевеление в казармах гарнизона и на побережье носило гораздо более массовый характер, чем раньше, и моментально встревожило население города. Невзирая на туманную погоду, с полудня на прибрежных высотах начали собираться толпы, неведомым образом уже информированные о скором приходе эскадры. Людская масса, до самого вечера варившаяся «в собственном соку», наплодила множество самых невероятных версий относительно всего происходящего и, конечно, того, чего ждать дальше.

Домохозяйки, безработные, «блаженные» и прочие, не особо загруженные работой, вились вокруг немногочисленных почти случайно затесавшихся сюда инвалидов или отпущенных на долечивание на квартиры и в казармы раненых офицеров и матросов, пытавшихся по мере своего разума объяснить происходящее.

Учитывая, что толпились в основном те, кто не годился ни на что серьезное, уровень осведомленности и способности нормально понимать и осмысливать услышанное оказался соответствующим. Выловленное где-то краем уха что-то совершенно непонятное изначально додумывалось в меру своего разума, а потом пересказывалось десятки раз, обрастая дополнительными «подробностями» и, в итоге, меняясь до неузнаваемости.

Мелькали здесь и подозрительные личности, толковавшие про то, что де японца снова за собой приведут. Побьет японец людишек! А кому это надо? Тикать пора из города, пока не поздно. Вон в прошлый раз сколько домов спалило, и что? Строить до сих пор не начали, а зимовать как? Им, господам в каменных палатах, от этого ни тепло ни холодно, а рабочий люд вкалывать должен, как на каторге. А жить где? В шалашах да землянках среди пепелища! А ведь скоро зима!

Только в сумерках с сопок у бухты Патрокл в туманной дали разглядели наконец на юго-востоке гу-

стые клубы дыма. К этому времени в городе уже распространили информационный бюллетень штаба флота о победе русского оружия в бою при Сасебо. В нем же сообщалось, что крейсера продолжают действовать на японских коммуникациях, а возвращаются только броненосцы с трофеями.

Многочисленные фотографии, полдня проторчавшие на местах с хорошим обзором и, соответственно, продуваемых насквозь в такую промозглую погоду, изрядно продрогли. Но покинуть позицию, даже на несколько минут, опасались. А треноги расставленных в рабочее положение фотографических аппаратов от ветра ничуть не защищали, так же как и поднятые тенты легких колясок, нанятых для мобильности. Ведь с какой стороны в этот раз придут броненосцы, никто, как обычно, не знал.

Прикинув освещенность мутного горизонта и осознав, что все мучения оказались напрасными, они разъезжались на своих «лихачах» (услуги которых за полдня ожидания так же пришлось оплатить в соответствии со «зверским» тарифом, моментально раздувшимся из-за всплеска запросов) по гостиницам и постоялым дворам весьма удрученными, вместе с большей частью зевак.

Зато пиущая братия рванула к портовой контроле, где обещали дать интервью офицеры штаба флота. Проскочить на оцепленную жандармами и матросами территорию базы, включавшей в себя теперь весь механический завод, Сибирский флотский экипаж и морской госпиталь, вплоть до новых доков в «гнилом углу», никто даже не пытался. Успели отвадить, подержав самых резвых в околотке с неделю, проводя дознание на предмет склонности к шпионажу, а потом и выслав из крепости с «волчьим билетом», невзирая на вопли «прогрессивной общественности».

Вернувшиеся главные силы флота на этот раз не стали рассовывать по стоянкам и гаваням вдали от города. Вот только кто именно пришел и в каком

состоянии, из-за опустившейся ночной темноты сразу разглядеть оказалось невозможно. Все корабли и транспорты вошли в бухту Золотой Рог и встали на якорь или к хорошо освещенной стенке завода лишь незадолго до полуночи.

Но еще за полчаса до этого репортеры видели, как в ворота порта проехал закрытый экипаж адмирала Бирилева, а от борта «Орла» отвалил катер под адмиральским флагом и скоро вернулся обратно. Однако саму встречу двух адмиралов, состоявшуюся в заводской конторе, они наблюдать не могли.

Почти в полночь к журналистам, наконец, вышел командующий Тихоокеанским флотом в сопровождении двух офицеров из штаба Рождественского. Несмотря на поздний час, Алексей Алексеевич лично отвечал на вопросы сгоравших от профессионального любопытства представителей прессы, иногда пользуясь ловко предоставляемыми ему записями.

Он рассказал, что порт Сасебо полностью разгромлен и сожжен, его гавань завалена многочисленными затопленными японскими судами и не пригодна к использованию, а укрепления разрушены. Японского флота, на плечи которого возлагалась охрана этой крепости, в момент атаки не было в базе, поскольку отвлекающими действиями нашей эскадры его выманили в Желтое море, где он и узнал о нападении, уже не имея возможности его отбить и не успевая даже перехватить на отходе.

В результате огнем броненосцев и действиями войск на берегу уничтожены почти все форты, а также ремонтные мощности и портовое оборудование. После чего эскадра произвела необходимый ремонт на Цусиме и вернулась домой. Наши потери не велики, в то время как у противника в окрестностях Сасебо потоплено около десятка миноносцев, несколько вспомогательных крейсеров и более полусотни грузовых судов. А четыре больших транспорта стали нашими трофеями.

Еще несколько пароходов с грузами для японской армии перехвачено, потоплено или взято в качестве призов в ходе отвлекающей операции в Желтом и Восточно-Китайском морях. Все подробности будут сообщены позже, когда наместник сможет сам ответить на многие вопросы.

Пока шла эта экспресс-пресс-конференция, заводское, железнодорожное и портовое начальство, уже поджидавшее на пристани, перевезли на борт флагмана, едва туда вернулся Рождественский. Довольно скоро все они, получив свои задачи, двинулись в город. Кто к городскому главе, кто к коменданту, чтобы немедленно согласовать возникшие рабочие вопросы по обеспечению, предоставлению и прочее, невзирая на неурочный час. От пытавшихся увязаться за ними репортеров отмахивались, пребывая явно не в лучшем расположении духа.

А под утро, когда улицы полностью опустели, из ворот порта потянулись нескончаемой вереницей подводы и кареты с ранеными, развозившие их не только в морской госпиталь, но и во все городские больницы и даже на вокзал, для дальнейшей отправки железной дорогой в Никольск-Уссурийск и дальше, для лечения. Эта процессия, как и планировалось, уже благополучно смогла избежать ненужного навязчивого внимания.

Несколько следующих дней, против всеобщего ожидания, прошли, в общем-то, довольно буднично. В торжественной обстановке состоялось захоронение умерших от ран по пути домой и уже в береговых госпиталях моряков и солдат. Никаких пышных торжеств по случаю одержанных флотом с момента его ухода громких побед в городе не устраивалось. Возвращение наместника, можно сказать, прошло в рабочем порядке.

Долгожданных выходных дней для отдыха измотанных экипажей также пока не последовало. Единственным послаблением для них стал объявленный

шестичасовой рабочий день против десяти или даже двенадцати часов рабочего времени, ставшего нормой для всех остальных, в тех случаях, когда не имелось возможности организовать трехсменную круглосуточную работу.

На эскадре все понимали — расслабляться рано. Сразу приступили к приемке боезапаса и топлива. Ждали скорого ответного удара разозленного противника и, как могли, готовились к этому. Так что появление японских больших кораблей в Броутоновом заливе, а потом и у Посьета восприняли спокойно.

Но когда, едва показавшись в виду наших берегов, японцы сразу ушли, даже как-то растерялись. Опасались подвоха. Весьма способствовало нагнетанию обстановки довольно близкое японское телеграфирование. Только после возвращения отправленной разведки, установившей наличие всего лишь нескольких дозорных судов у выхода из залива Петра Великого, и после анализа расшифрованных японских депеш чуть успокоились. А когда успешно встретили вернувшиеся крейсера Добротворского, спокойно сопроводив их от залива Америка до базы всеми боеспособными (с большой натяжкой) силами, окончательно уверились, что атаковать, по крайней мере в ближайшее время, самураи не намерены.

В главной базе русского Тихоокеанского флота тем временем в полную силу развернулись предремонтные хлопоты. И без того крайне плотный рабочий график всего инженерного корпуса пришлось уплотнить дополнительно. Выходных или праздничных дней ни у высшего командного и технического состава, ни у армейских начальников и всех их подчиненных, тем более у мастеровых, теперь не было вообще. Работы всем хватало с избытком, но при этом не переставали спрашивать и за боевую подготовку.

Сам Зиновий Петрович, на следующий же день после прихода «Богатыря» и «Светланы», все же дав обещанную пресс-конференцию, безвылазно находился

в штабе. Договорившись с Гинсбургом* по основным пунктам заключаемого нового договора о снабжении флота всем необходимым, он вплотную занялся своими непосредственными обязанностями. Требовалось войти в курс дел на вверенном ему театре боевых действий в целом.

В первую очередь, еще на переходе домой, начали прорабатывать возможные варианты доставки на Цусиму боеприпасов, для восполнения убыли в погребах батарей и оставшихся там кораблей, поделившихся с уходящим флотом последним, что было. Этот вопрос требовалось решить срочно, поскольку вероятность массированной атаки на острова все еще оставалась очень высокой. При этом нужно было иметь в виду, что возможности провести охраняемый конвой в ближайшее время не будет.

Итогом стала отправка уже 8 августа трех корейских и одной трофейной шхун и двух китобойных парусных судов фирмы Кайзерлинга в рискованную экспедицию на юг. Из них до конечной точки маршрута добрались

* Гинсбург М.А. — купец первой гильдии. Основатель и глава торговой компании «М. Гинсбург и К°». С восьмидесятых годов девятнадцатого века был главным поставщиком Русской Тихоокеанской эскадры и на этом поприще заслужил исключительно лестные отзывы. За свой счет помогал в эвакуации гражданского населения Порт-Артура. Неоднократно предлагал Морскому ведомству военно-коммерческие проекты, выгодные по финансовым и временным соображениям. После падения Порт-Артура предлагал обеспечить Вторую эскадру всем необходимым для базирования в Индокитае и блокирования Японских островов. При этом, организуя поставки, делал все быстро и качественно, несмотря на саботаж наших официальных доброжелателей. На транспорте с припасами, шедшем с эскадрой, при пересчете груза в Кронштадте его оказалось на три миллиона рублей больше, чем выдано кредитов. При этом, по словам экспертов (англичан) погрузить все это за такой срок было возможно только за сверхурочную оплату.

только китобои, трофей и одна из корейнок (судьба двух других так и осталась неизвестной). Это несколько смягчило «снарядный голод» в Озаки, хотя окончательно проблему не сняло.

Для ее решения уже готовили к походу один из имевшихся в базе больших пароходов-крейсеров. Вернувшись из Тихого океана, оба они немедленно были поставлены к заводской стенке для послепоходового ремонта и пополнения запасов. На «Тереке», после первичного осмотра механизмы признали вполне исправными, и он приступил к бункеровке. А вот с силовой установкой на «Днепре» имелись довольно серьезные проблемы, и в ближайшие недели две, а то и целый месяц, он в море выйти не сможет.

Результаты их крейсерства, уже прозванного в матросской среде «пехотным круизом», так же как и общее техническое состояние, оказались совершенно разными. Приведенный «Тереком» большой германский пароход компании «Норд Дойче Ллойда» «Граф Валдерзее» в 12 075 тонн и ходом в 14,5 узла, перехваченный на пути в Йокосуку был, безусловно, ценным призом. Он шел с грузом деталей паровых машин (котельные трубки, запорная арматура, вспомогательное котельное оборудование), телеграфного провода и оборудования телефонной и телеграфной связи производства немецких заводов, а также боеприпасов к морским пушкам калибром от 76 до 203 миллиметров английского производства, и потому однозначно являлся контрабандистом. Неплохим результатом вояжа было и потопление тем же «Тереком» четырех японских судов общим тоннажем около девяти тысяч тонн.

Зато его напарник «Днепр» в ходе крейсерства успел досмотреть лишь несколько нейтральных судов, почти все пустые, и потопить две шхуны и один небольшой каботажник, после чего нарвался на замаскированный японский вооруженный пароход. В быстротечном бою на малых дистанциях наш огромный лайнер-крейсер, вполне традиционно, нахватался японских снарядов и,

несмотря на все импровизации с защитой из бухт троса, мешков с углем и прочего, получил повреждения трех котлов, два из которых до прихода в базу полностью «скисли», ограничив полный ход всего 15 узлами.

При этом, несмотря на то, что перестрелка продолжалась менее пяти минут, имелись большие потери в пехотных частях, остававшихся на борту после Осацкого дела. Как и задумывалось, скучавшая от безделья пехота каждый раз высыпала на палубы поглазеть на аттракцион, устраиваемый моряками при абордаже на приличном волнении. Вот и получила свою порцию шимозы.

Хорошо еще, что бой произошел уже через несколько часов после уничтожения «Днепром» бельгийского контрабандиста «Низам». Благодаря этому, его экипаж оказался свидетелем подлой выходки японца, до последнего прикидывавшегося грузопассажирским английским судном и в упор расстрелявшего шлюпку с досмотровой партией из замаскированных на палубе современных скорострелок. Одновременно был открыт огонь и по приблизившемуся рейдеру. Коварный японец стрелял до последнего момента, пока не взорвался погреб и паровой котел, так что спасшихся с него не было.

Этот случай вынуждал все наши крейсера в дальнейшем действовать более жестко в отношении судов нейтральных стран в японских водах, о чем было официально заявлено российским МИДом. Японцы в ответ скромно промолчали, зато в американских и английских газетах поднялся настоящий вой об очередном акте пиратства русских варваров, потопивших гражданское судно со всеми пассажирами.

Публикации рассказа об этом инциденте возмущенных бельгийцев, двое из которых были ранены в том бою, назывались грубой инсценировкой. Вершиной этого раздутого скандала стала публикация в «Таймс» статьи, прямо призывающей к применению военной силы против русского флота, действующего на Дальнем Востоке.

Одновременно в «Вашингтон Пост» вышла статья, в которой заявлялось, что Америка не допустит поражения Японии в этой войне. Официальной реакции ни из Лондона, ни из Вашингтона пока не было, но долго ее ждать, вероятно, не придется. И будет она вполне предсказуемой.

Это требовало аргументированного и убедительного ответа. Но пока он еще не был готов. Выступать в роли оправдывающейся стороны казалось изначально не верным, а для перехода в наступление еще и на «газетном» фронте требовалось запастись надежными «козырями» и выложить их на стол максимально эффектно.

Грузы для цусимского гарнизона уже заготавливали в порту, рассчитывая приступить к погрузке сразу, как закончат бункеровку и пробные пробеги «Терека» после обслуживания механизмов. Для ускорения этих мероприятий туда отправили всех свободных, кто подвернулся под руку, без разбора. При этом причина такой спешки отнюдь не являлась секретом ни для кого из работавших на крейсере.

По вопросу немедленного начала строительства барачков для рабочих взамен сгоревших от японского обстрела все необходимые документы канцелярия успела подготовить. Их оставалось лишь подписать, что не должно было занять много времени. За эту довольно хлопотную работу брался широко известный во Владивостоке предприниматель и лесопромышленник Суворов Михаил Иванович, обещая управиться еще до холодов.

С момента возвращения эскадры он настойчиво добивался аудиенции у наместника, заявляя, что имеет перспективное предложение относительно этого строительства. По наведенным справкам репутация у него была безупречной. Хотя с началом войны его дело серьезно пострадало, поскольку предприятия, дававшие основной доход, находились в Маньчжурии, лишних денег за свою работу он не драл.

Флот уже имел с ним дело, когда потребовалось срочно провести хотя бы временную телеграфную ли-

нию для обеспечения надежной связи залива Ольги с Владивостоком. Он тогда оказал немалое содействие в этом, поскольку, среди прочего, уже несколько лет занимался горными разработками на побережье от мыса Поворотный в восточном направлении, как раз до Ольгинской гавани. Тогда даже такая зачаточная освоенность береговой черты при активном содействии его компании позволила вести работы сразу на восьми участках одновременно и пустить линию в эксплуатацию в кратчайшие сроки.

Сейчас он по-прежнему испытывал серьезные финансовые затруднения, однако не прекращал жертвовать на богоугодные дела и прочую благотворительность. Но Рождественского больше удивило, что, даже еще не заключив контракта, его рабочие уже начали закладывать фундаменты и завозить необходимые материалы. Он ждал, что появятся какие-нибудь доброты, ратовавшие за него, но напрасно.

Поскольку Суворов каждое утро ожидал в приемной, встретиться с ним для прояснения неясных моментов труда не составило. Михаил Иванович действительно подготовил серьезное предложение, причем такое, что Рождественский даже испытал изрядный шок, причина которого для присутствовавшего при разговоре лейтенанта Свенторжецкого так и осталась до конца не ясной.

Будучи моряком, он, как и Зиновий Петрович, мало смыслил в технологиях строительства, в современных и не очень. Но прозвучавшая в самом начале разговора фраза про целесообразность сооружения дешевого многоквартирного типового жилья из крупногабаритных бетонных панелей, на него вообще не произвела никакого впечатления в отличие от «шефа».

Несколько последующих фраз Рождественского, заметно побледневшего и начавшего как-то странно вглядываться в лицо коммерции советника купца первой гильдии, сына крестьян М. И. Суворова, заметно растерявшегося от такой реакции, вообще заронили в душу